

Пётр Гладилин

Вышел ангел из тумана

(вынул «Приму» из кармана)

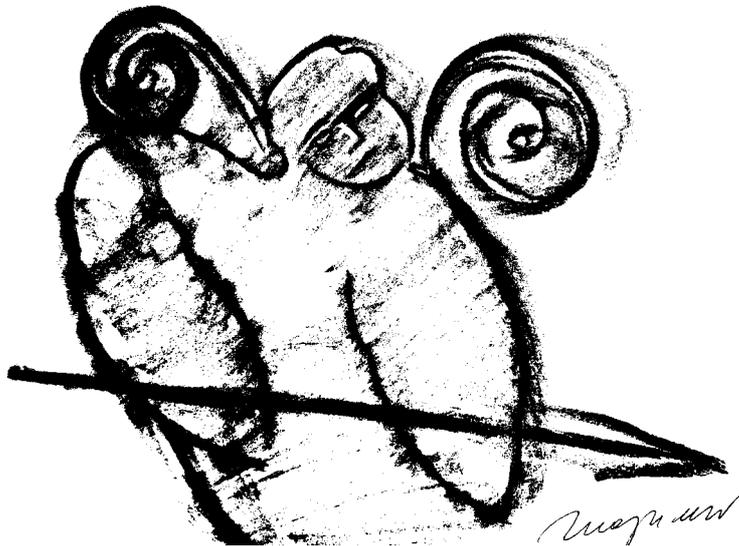
Все права принадлежат автору

Гладилин Петр Владимирович

8 926 142 60 56

8 (499) 151 50 07

dd@m9com.ru

2 Действующие лица

- Гавриил** — алкоголик, бомж, священник без прихода.
Екатерина Кондратьевна Первухина — пенсионерка.
Илья — ее старший сын.
Вера — супруга Ильи.
Рита — дочь Ильи.
Сергей — младший сын Екатерина Кондратьевны.
Ольга — его жена.
Нина — дочь Сергея.
Белла Соломоновна — соседка Екатерины Кондратьевны.
Коленька — друг Веры, молодой человек.

Первый акт

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

*Квартира Екатерины Кондратьевны Первухиной.
Звонок в дверь, входит Белла Соломоновна.*

Екатерина Кондратьевна. Проходите, пожалуйста, соседка, не стойте в дверях.

Белла Соломоновна. Здравствуйте, Екатерина Кондратьевна.

Екатерина Кондратьевна. Вот чудеса... только глаза закрыла, сразу провалилась. Сон приснился замечательный: будто ехали мы на тройке с бубенцами по лесу, вдруг как снег повалил, я ловлю снежинку, а это вовсе не снег — пух тополиный, и мне Сашенька мой говорит: «Эх, Клавдюша, зима какая теплая» и целует меня за ушком. Запах сказочный. Откуда?

Белла Соломоновна. Вам от меня в подарок букет сирени, поздравляю с днем рождения, здоровья и долгих лет жизни.

Екатерина Кондратьевна. Спасибо, милая.

Белла Соломоновна. Вот эти вот четырехконечные цветочки совершенно бесполезные, а вот эти пятиконечные... их можно съесть и загадать желание. Я долго думала, что подарить, — денег на хороший подарок нет, а желание обязательно сбудется.

Екатерина Кондратьевна. А не лучше ли, чем сирень кушать, пойти в храм и попросить у Господа нашего?

Белла Соломоновна. А я думаю, что и то и другое очень хорошо, и в храме постоять, и сирени покушать. Когда мы были маленькими, верили же в сирень?

Екатерина Кондратьевна. В детстве я ела не сирень, а лебеду, а когда исполнилось шестнадцать, началась война. На всю жизнь запомнила эту ночь в санитарном поезде, такого отчаяния со мной никогда не было. Мы ехали из Киева в Бугульму, ночь была длинная, холодная, и каждый час умирал солдатик. Могла ли я тогда подумать, что моя внучка будет учиться в Лондоне на магистра экономики.

Белла Соломоновна. Вы представляете, Екатерина Кондратьевна, я вашего младшенького стесняться стала. Когда его по телевизору не показывали, не стеснялась. А на прошлой неделе встретила на лестничной площадке, готова была сквозь землю провалиться.

Екатерина Кондратьевна. Перестаньте комплексовать, Белла Соломоновна, вы его же его трехлетним же ребенком помните.

Белла Соломоновна. Помнить-то помню, а все равно страшно так, что ноги подгибаются. А вы слышали, что с Натальей из пятой квартиры случилось, с дочкой Тамары?

Екатерина Кондратьевна. Нет, милая, ничего не слышала.

Белла Соломоновна. Пошла в магазин, упала и потеряла сознание. Откуда ни возьмись появился странный человек, никого к бедняжке не подпускает: «Это девушка моя, я ее первый нашел», схватил девку на руки и бежать. Люди еле-еле отбили. Повезло!

Екатерина Кондратьевна. Я вам удивляюсь, откуда вы все знаете, Белла Соломоновна?

Белла Соломоновна. Потому что всем на свете интересуюсь, вычитала месяц тому назад в газете, что ев-

рейская разведка самая лучшая в мире. Называется МОССАД. Если что надо узнать — обращайтесь.
Екатерина Кондратьевна. Хорошо, хорошо, Белла Соломоновна, непременно при случае воспользуюсь.

Входит Сергей.

Сергей. Говорят, что родителей не выбирают, это неправда! Мама, я тебя выбрал! Меня еще на белом свете не было, а я увидел тебя и зарыдал от счастья. Ты самая лучшая мать на свете, спасибо тебе за твою любовь, за твое бесконечное терпение, за ласку! С днем рождения! Здоровья тебе и счастья, моя любимая мама.

Екатерина Кондратьевна. Спасибо, сынок, солнышко мое!

Ольга. С днем рождения, Екатерина Кондратьевна! Нина опаздывает, она будет через полчаса.

Сергей. А это наш подарок: сережки и колечко.

Ольга. Белые, серые и черные бриллианты.

Екатерина Кондратьевна. Сережа?!

Сергей. Мама, я тебя люблю.

Екатерина Кондратьевна. Зачем мне такие сокровища на старости лет?!

Сергей. Мама, сокровище — это ты, а это всего лишь навсего камушки, прозрачные, красивые камушки и немножко желтого металла.

Ольга. Белого цвета.

Входят Илья Александрович, Вера и Рита.

Екатерина Кондратьевна. А вот и мой старшенький.

Илья. Mamочка, с днем рождения, мы все тебя поздравляем! От всей души!

Вера. С днем рождения, Екатерина Кондратьевна. А это наш скромный подарок. Оренбургский пуховый платок.

Екатерина Кондратьевна. Какая прелесть!

Илья. Здравствуй, братик!

Сергей. Здравствуй, родной, здравствуй, Верочка, Рита, дай я тебя поцелую.

Ольга. Здравствуй, Верочка, здравствуй, Рита, какая ты стала взрослая!

Сергей. Здравствуйте, Белла Соломоновна.

Вера. Скоро у нас первая в жизни премьера, репетирует с утра до ночи.

Рита. Я обязательно стану знаменитой актрисой.

Екатерина Кондратьевна. Мы в это свято верим. Ну-ка, все за стол!

Белла Соломоновна. Я пойду потихонечку, всего вам самого наилучшего.

Сергей. Куда вы, тетя Белла, мы вас не отпустим, давайте к столу.

Екатерина Кондратьевна. Вы меня сиренью накормили, теперь пришла моя очередь вас кормить.

Белла Соломоновна. Не могу, у меня дел по горло, белье пересохло, и окна стоят немытые. Какая у вас замечательная семья, какие мальчики, какие девочки, просто прелесть, дай вам бог, Екатерина Кондратьевна.

Екатерина Кондратьевна. Может быть, еврейские разведчики — самые лучшие в мире, но они не самые храбрые.

Белла Соломоновна. Нет, не самые храбрые.

Белла уходит.

Екатерина Кондратьевна. Ну что, давайте садиться за стол.

Входит Нина.

Нина. Здравствуйте. Здравствуй, ба, поздравляю тебя с днем рождения.

Екатерина Кондратьевна. Здравствуй, моя деточка!

Нина. Папа, я тебе раньше не говорила, была уверена, что из этого ничего не получится, только не удив-

ляйся и не ругай меня, я не разбрасываюсь. Была на Мосфильме, меня утвердили на главную роль... представляешь, Рита, я тоже буду сниматься в кино! Две недели назад ко мне на улице пристал симпатичный маньяк, представился режиссером и стал уговаривать прийти на пробы. Стало страшно выходить на улицу, хватают ни в чем не повинных людей, заставляют примеривать платья, парики, петь и танцевать, но костюмы красивые... особенно укороченная шуба, енотовым мехом внутри, пурпурным бархатом наружу!

Рита. С большими треугольными пуговицами, обшитыми синим атласом?

Нина. Верно, Риточка. А ты откуда знаешь?

Рита. Это моя шуба, это моя роль, это меня утвердили на роль княжны Таракановой.

Нина. Точно, и меня утвердили на роль княжны Таракановой! Странное совпадение!

Сергей. Сегодня зашел к приятелю, а у него отрывной календарь на стене висит. Восход солнца в пять пятнадцать, заход, кажется, в двадцать один сорок шесть, день становится все длиннее.

Рита. Папа, почему ты молчишь? Моя роль пошла с молотка! Они украли у меня роль, они купили ее.

Сергей. Не говори глупости, Рита, как это можно купить роль? Роль — это что-то совершенно особенное, совершенно эфемерное, нематериальное. Роли не продаются в магазинах, как перчатки или стулья, роли есть некие эфемерные субстанции, из которых состоит драматическое искусство.

Илья. Что поделаешь, увы, мы живем в такое время, когда продаются самые эфемерные субстанции, имелись бы деньги!

Екатерина Кондратьевна. Я не понимаю, о чем это вы?

Нина. Я тебе клянусь, Рита, я никогда не мечтала сниматься.

Рита. Таких совпадений не бывает, меня приглашают сыграть главную роль, а спустя месяц режиссер на улице встречает мою двоюродную сестру. Боже мой, у меня украли роль! Огромную прекрасную роль, мою первую роль в большом кино!

Сергей. Да, моя дорогая Рио-Рита. Ты совершенно права, я купил эту роль для своей дочери! Вы что, господа, думали, что я стану оправдываться, потупив глаза? Купили! И кстати, незадорого! И еще двадцать процентов прибыли от этого фильма имеем! Это была моя идея, чтобы вы с режиссером познакомились на улице!

Екатерина Кондратьевна. Сереженька, сынок! Что ты такое говоришь?

Нина. Я отказываюсь сниматься в этом фильме!

Сергей. Поздно, полтора часа тому назад ты подписала контракт!

Нина. Нет!

Сергей. Я закрою для тебя Кембридж, навсегда! Будешь зарабатывать на жизнь посудомойкой в китайском ресторане!

Ольга. Как ты разговариваешь с собственной дочерью, смени, пожалуйста, тон!

Нина. Зачем мне карьера актрисы?! Я буду играть на бирже, Рита будет играть в театре и кино, каждый должен заниматься своим делом!

Сергей. Мы везде успеем: и в бизнесе, и в искусстве, — и везде мы будем первыми.

Илья. Вор! Грязный деляга!

Сергей. Интеллектуальный шлак!

Илья. Нувориш!

Екатерина Кондратьевна. Перестаньте ссориться, как вам не совестно, у меня сегодня день рождения!

Илья. Я устал врать, мама, мы три года встречаемся только на твоём дне рождения, прошлой осенью,

на улице, я случайно встретил своего родного брата
и быстренько перебежал на другую сторону!

Сергей. Самый черный день в году — это день рождения
моей матери.

Екатерина Кондратьевна. О господи помилуй, Сере-
женька, Илюша!

Илья. Накануне твоего дня рождения, дорогая мама,
я иду к окулисту и закапываю в глаза, чтобы не
дай ты бог в подробностях не увидеть... это лицо!
Я не вижу тебя, серая безликая масса!

Екатерина Кондратьевна. Остановитесь сейчас же, что
вы такое говорите, мы люди в конце-то концов!

Рита. Это будет не фильм, это будет шедевр!

Вера. «Золотая пальмовая ветвь»!

Сергей. Насчет Канн я не уверен, но с двумя-тремя оте-
чественными фестивалями, надеюсь, мы сумеем
договориться.

Рита. Я не заплачу, вы не увидите моих слез!

Нина. Папа, остановись, я тебя умоляю, это безумие!

Вера. Вас надо хранить под стеклом, в музее весов и мер
в Париже, как эталон мерзости.

Илья. Негодяй!

Сергей. Я тебя отловлю, привяжу к стулу перед телеви-
зором и заставлю смотреть номинацию вручения,
и никаких глазных капель, никаких глазных ка-
пель!

Екатерина Кондратьевна. Идите к окну, быстрее, пос-
мотрите, снег пошел!

Сергей. Какой снег мама, откуда снег, лето на дворе!

Екатерина Кондратьевна. Какие большие красивые хло-
пья! Мамочка, можно я пойду с девочками погу-
ляю? Я тепло оденусь, честное слово, тепло- тепло!
Дайте мне мою заячью шапку и валенки. Дядя
Ваня, достаньте, пожалуйста, санки с антресолей.
Это первый снег, он сейчас растает.

Ольга. Ярко выраженный постстрессовый синдром. Тоже мне, любящие дети, нашли где выяснять отношения.

Екатерина Кондратьевна. У нас есть морковка? Красивая большая морковка?! И ведро, любое, можно даже дырявое. Мы с тетей Марусей слепим снежную бабу и сделаем нос из морковки, как в позапрошлом году!

Сережа. Куда ты, мама?

Екатерина Кондратьевна. Я не мама, я никакая вам не мама, я Катенька!

Илья. Куда ты, Катенька?

Екатерина Кондратьевна. Я погуляю, я скоро приду.

Вера. Кто-нибудь, Христа ради, остановите ее.

Илья. Мама, постой, погоди, посмотри мне в глаза, успокойся, мама, тебе надо прилечь.

Вера. В доме есть валерьянка?

Ольга. Какая валерьянка, помилуйте, ей нужен сильный транквилизатор. Или снотворное.

Сергей. Отведите ее в спальную и положите на кровать. Я вызову врача.

Илья. Пойдем, мама, полежим немного, отдохнем, принесите кто-нибудь воды.

Екатерина Кондратьевна. Я хочу играть в снежки.

Илья. Mamочка, пойдем, приляжем, отдохнем, а завтра поиграем в снежки!

Екатерина Кондратьевна. Снег скоро растает. Меня девочки ждут на улице, скажите Зиночке и Татоше, что я скоро выйду.

Сергей. Завтра выпадет новый снег, и мы все вместе пойдем играть в снежки.

Екатерина Кондратьевна. А Зиночку позовем?

Сергей. Зиночку обязательно позовем.

Екатерина Кондратьевна. А Татошу?

Сергей. И Татошу тоже позовем.

Екатерину Кондратьевну под руки уводят в спальню.

Сергей. Я вызову доктора, Оля, останься, Нина, поезжай домой.

Ольга. Прилегла, закрыла глаза. Дышит глубоко. Глаза стеклянные. Пульс учащенный.

Илья. Я тоже остаюсь.

Сергей. Ваше присутствие, господа, здесь совсем необязательно.

Илья. Распоряжения будешь отдавать в другое время при других обстоятельствах!

Вера. Сколько можно! Угломнитесь, наконец!

Ольга. Вам лучше уйти. Мы сами вызовем врача, мы все сделаем сами, все, что в таких случаях необходимо.

Илья. Собирайтесь, поедем.

Сергей. Мама, милая мама, кто же знал, что так получится! *(Звонит по мобильному телефону.)* Ирина Аркадьевна, здравствуйте, я хотел с вами немедленно проконсультроваться, вы могли бы приехать прямо сейчас... благодарю вас, спасибо... мы пришьем за вами машину. Нет, я совершенно здоров, моя мама чувствует себя не очень хорошо, благодарю вас. Надо было сдержаться, молчание — золото. Мама, милая, мама!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Офис Сергея. Спустя две недели. Глубокая ночь.

Нина. Когда я была ребенком, каждый день был отдельно прожитой жизнью, а теперь словно мгновение, и это мгновение продолжает сжиматься. Только что было утро, и вот уже половина первого ночи. Кстати, нельзя было собраться чуть пораньше?

Ольга. К сожалению, другого времени у отца не нашлось.

Нина. И все-таки из-за чего они поссорились?

Ольга. Три года назад поехали отдыхать в Италию, вернулись заклятыми врагами, а что случилось, не говорят. Как в рот воды набрали. Оба.

Нина. Помню, как в детстве дядя качал меня на руках, а теперь как чужой, не улыбнется даже. Что же могло случиться?

Ольга. Не знаю, души друг в друге не чаяли, Сергей мне никогда не позволял ничего дурного сказать о брате, и вдруг на тебе... животная, патологическая ненависть.

Нина. Все тайное когда-нибудь становится явным. Когда-нибудь узнаем.

Входит Сергей.

Сергей. Полпервого... Где они?

Нина. Задерживаются.

Ольга. Все нормальные люди в это время уже спят!

Сергей. Надо было послать машину.

Ольга. Отказались!

Сергей. Какие мы гордые!

Входит Илья с женой и дочерью.

Сергей. Проходите, присаживайтесь.

Ольга. Чай, кофе?

Илья. Минеральной воды.

Сергей. Сразу к делу. Мы с братом дали волю своим чувствам и получили непредсказуемый результат. Я разговаривал с доктором, главную причину он видит в том, что мама тяжело переживает нашу с братом междоусобицу, ей как воздух необходима атмосфера любви, наша ссора для нее — тяжелейшее эмоциональное потрясение. Поэтому... в пятницу я куплю огромный красивый торт, мы все приедем к матушке в гости, будем пить чай, скажем, что помирились, будем как никогда ласковы и нежны друг с другом.

Илья. Чуть было не съели друг друга без соли и сахара, вдруг приезжаем с нарисованными улыбками и тортом.

Вера. Не хватает оркестра из Парижа.

Рита. Так она и поверит, вы ее обманывали три года!

Ольга. У людей с нервными расстройствами сильно обостряется интуиция.

Нина. Один-единственный вопрос. Откуда взяться атмосфере любви, если вы ненавидите друг друга?

Сергей. У вас есть другие предложения?

Илья. Прежде чем собирать почтенную публику в половине первого ночи, надо было сделать над собой усилие и пораскинуть извилинами. Минутку тишины, мне надо сосредоточиться...

Сергей. Сейчас начнет сверкать интеллектом. Где мои солнцезащитные очки?

Илья. Во-первых, наша встреча не должна носить характер запланированного мероприятия, все должно произойти спонтанно. Нам ни в коем случае нельзя заявляться всем вместе! Чтобы у нее не возникло подозрений, что мы заранее договорились. Первой приезжает, допустим, Нина, она привозит фрукты, апельсины и яблоки.

Нина. Почему именно я приезжаю первой?

Илья. У меня нет ответа на этот вопрос.

Сергей. Это намек на то, что мы имеем дело с незаурядной личностью.

Нина. Хорошо, я приезжаю первой.

Илья. Ты рассказываешь бабушке, как в прошлую субботу мы собрались на старой даче в Рождествено. Очень подробно! Чем больше мелких, ничего не значащих деталей, тем достоверней рассказ. Итак, был прекрасный солнечный июньский день.

Нина. Иногда накрапывал мелкий дождик.

Илья. Неплохо, допустим.

Сергей. Я привез мясо для барбекю.

Ольга. Мы ели барбекю и пили красное вино.

Илья. И дали клятву больше никогда не ссориться!

Рита. Страшную клятву!

Вера. И мы это дело как следует обмыли.

Рита. Убрали со стола и сели играть в дурачка.

Ольга. А после пошли гулять в лес.

Илья. В лес — это хорошо. Пошли по просеке в сторону озера.

Рита. И нашли маленького совенка.

Илья. При чем тут совенок?

Рита. Ты сам сказал. Чтобы придать рассказу достоверность, нужны мелкие детали.

Ольга. Про совенка мне нравится.

Вера. И мне тоже.

Илья. Хорошо, принимается. И нашли маленького совенка. И вдруг пошел дождь.

Сергей. С градом.

Илья. С градом не надо, обыкновенный дождь.

Ольга. Хорошо, просто дождь.

Рита. Мы бежали через поле к даче.

Вера. Над нами сверкали молнии, а мы неслись как угорелые к дому.

Илья. Это красиво, это сильно.

Ольга. Вымокшие до нитки...

Нина. И счастливые...

Илья. Мы вбежали в дом...

Рита. Развели огонь в камине...

Нина. Переоделись...

Илья. Запоминайте все, подробно, чтобы не было путаницы.

Сергей. И сели пить чай...

Илья. С тортом...

Сергей. А почему бы и нет?

Илья. У тебя воображение, как у гусеницы. И вот такие люди руководят нашей страной, чему тут удивляться!

Вера. Перестаньте ссориться, сколько можно!

Сергей. А ты что предлагаешь?

Вера. Развели огонь в камине, уселись вокруг и пустили по кругу большой бокал красного вина.

Илья. А вот это недурно.

Сергей. Уж куда нам до вас, какой полет мысли!

Ольга. И вдруг Вера запела песню.

Вера. Какую песню?

Илья. Какая у отца была любимая песня?

Сергей. «Стеной стоит пшеница золотая».

Рита. И мы все подхватили мелодию.

Илья. Ты очень подробно рассказываешь все это бабушке, про дачу, про совенка, про песни у камина... вдруг звонок в дверь. Приходит кто? Прихожу я! Шел из библиотеки, дай, думаю, загляну к маме, я целую маму, целую руку племяннице.

Вера. Очень хорошо, в этом есть что-то очень трогательное... дядя целует руку племяннице.

Ольга. Изысканно.

Илья. Маме понравится. Мы говорим на отвлеченные темы. Через полчаса заявляется честная компания. Младшенький с супругой. Вы обязательно должны прийти с племянницей... из Пушкинского музея... где якобы... смотрели Сезанна.

Сергей. Мы болтаем о всяких пустяках, садимся пить чай, а после расходимся, оставляя маму в прекрасном расположении духа.

Илья. Сколько можно повторять, чаепитие — это изначальное поражение, фиаско! На чаепитии и сидении за столом и обыкновенной болтовне ничего достоверного не построишь! Нам необходимо активное действие!

Сергей. Что это значит — активное действие?

Илья. Если хотите, маленькое несчастье, которое бы сплотило на глазах у мамы всю семью.

Ольга. Я могу пролить тебе варенье на брюки.

Вера. Гениально, мы снимаем с тебя штаны и все вместе стираем в горячей воде, отжимаем, сушим и гладим твои штаны.

Нина. И все это наводит бабушку на мысль о том, какая у нас дружная семья, и она сразу же идет на поправку!

Илья. Кстати, в качестве примера эта история вполне сгодится. Только повод должен быть настоящим, серьезным. Эврика! Раздается звонок в дверь, входит моя Вера и говорит: «Илья, дай мне свои ключи от квартиры!»

Вера. У меня что, своих нет?

Илья. Ты оставила их дома и захлопнула за собой дверь! Накануне мы с тобой поссорились по-настоящему... до развода. Слово за слово мы снова сцепляемся, а вы вместе с мамой пытаетесь нас помирить. В результате вам это удается. И только здесь мы садимся за стол... как вдруг моему младшему брату приходит в голову блистательная идея сыграть нашу с Верой свадьбу! Как бы! В шутку! Это не чаепитие, я нашел жанр, гениально! — это семейный ужин, перерастающий в свадьбу! Время от времени он прерывается восклицаниями: горько! Все кричат: горько! горько! И мама тоже кричит: горько! Мы с Верочкой целуемся. Половина одиннадцатого вечера. Праздник закончился. Мы, счастливые, расходимся, оставляя маму в превосходном состоянии духа.

Рита. Bravo!

Вера. В принципе недурно, годится.

Сергей. Неплохо.

Илья. Это вам не миллионами ворочать.

Сергей. Стоило на секунду расслабиться, как меня тут же втоптали в грязь!

Вера. Домой, спать, у меня слипаются глаза.

Илья. Только сначала расставим время. Нина приходит в половине шестого. Я — через пятнадцать минут,

значит, без четверти шесть. Вы — в пятнадцать минут седьмого. Вера — шесть тридцать. Итак, сверим часы.

Сергей. На моих — полпервого.

Ольга. На моих — тридцать одна минута.

Рита. Отставание на одну-две минуты не имеет большого значения.

Нина. Как будто собираемся взрывать железную дорогу!

Илья. Пойдемте скорее спать.

Вера. Доброй ночи.

Нина. Спокойной ночи.

Прощаются, расходятся.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Екатерины Кондратьевны.

Нина. Я шла по улице и видела, как разбирают трамвайные пути. А помнишь, как мы с тобой ехали на пятом номере, вошла молодая женщина с двумя большими собаками, и одна собака лизнула меня в нос?

Екатерина Кондратьевна. Конечно, помню, миленькая.

Нина. А сколько мне было лет? Пять? Шесть? Семь!

Екатерина Кондратьевна. Восемь.

Нина. Ба, скушай, пожалуйста, ну хоть что-нибудь! Съешь яблоко. Или грейпфрут.

Екатерина Кондратьевна. Я бы поела свежего снега, спустись во двор... Принеси мне снега.

Нина. Ба, откуда я тебе снег возьму, лето на дворе.

Екатерина Кондратьевна. Да не теперешнего снега, этот серый, грязный, как овсяная каша, а того снега, который раньше был.

Нина. Прошлогодного, что ли?

Екатерина Кондратьевна. Прошлогодний тоже грязный. Когда я была маленькой девочкой, снежинки были белые-белые, чистые-чистые. Снег был такой аппетитный, вкусный-превкусный.

Нина. А не согдится ли мороженое вместо снега?

Екатерина Кондратьевна. Нет, душа моя, мороженое делают на фабрике, а снег отпадает от ангельских крыльев, он сыпется из царствия небесного через серебряные трубы, каждая снежинка пахнет небесным градом Иерусалимом.

Нина. Это беспредметный разговор, я устала разговаривать о снежинках столетней давности.

Екатерина Кондратьевна. Вот видишь, раньше девушки по двенадцать часов на фабрике трудились, а потом еще песни пели, а потом еще парней до утра любили, а ты порассуждала немного о снежинках и устала. Я понимаю, если б мы говорили о поездах или пароходах... они чугунные, тяжелые... А снежинки маленькие, легкие. Ладно, не хочешь о снежинках, не надо, расскажи, как папины курицы поживают.

Нина. Какие курицы, бабушка?

Екатерина Кондратьевна. Которые пресытились и деньги уже не клюют.

Нина. Хорошо поживают.

Екатерина Кондратьевна. Не полопались еще?

Нина. Нет, они безразмерные, резиновые.

Екатерина Кондратьевна. Мне бы маленького цыпленочка.

Нина. Папа сказал тебе наличных денег не давать.

Екатерина Кондратьевна. Почему?

Нина. Потому что ты деньги проходим раздаешь.

Екатерина Кондратьевна. Им деньги нужнее, вот я вчера вышла на улицу, а навстречу мне идет голодный старик.

Нина. Откуда ты знаешь, что он голодный?

Екатерина Кондратьевна. Уж я-то знаю, какие глаза у голодного человека.

Нина. Ба, с тобой трудно спорить.

Екатерина Кондратьевна. А зачем тебе со мной спорить? Ты сразу соглашайся.

Нина. Если это тебе доставит хоть немного радости, я согласна со всем, что ты скажешь на сто тысяч лет вперед.

Екатерина Кондратьевна. Меня уж ничто не порадует, внученька. Когда жива была, радовалась, а когда богу душу отдала, радости не стало, хожу сама не своя из угла в угол, не знаю чем заняться.

Нина. Ты жива и здорова и, кстати, прекрасно выглядишь.

Екатерина Кондратьевна. Ничего подобного! Ты думаешь, что я здесь есть, нет, меня здесь нет!

Нина. А где ты, ба?

Екатерина Кондратьевна. На небесах.

Нина. А с кем я, по-твоему, разговариваю?

Екатерина Кондратьевна. С моей фотографией, ты держишь в руках мою фотографию и со мной разговариваешь.

Нина. У меня в руках нет твоей фотографии.

Екатерина Кондратьевна. Есть. Ты мою фотографию держишь в руках и со мной разговариваешь.

Нина. А за окном идет снег!

Екатерина Кондратьевна. А за окном идет снег. И ангелы поют! Помолчи, деточка, послушай!

Нина. Мы вчера собрались на даче в Рождествено, отец и дядя дали нам клятву, что никогда больше не будут ссориться. Мы выпили вина, и пошли гулять в лес, и по дороге нашли маленького совенка. А когда мы возвращались, небо затянуло и пошел ливень...

Екатерина Кондратьевна. Помолчи, миленькая, неужели ты не слышишь?

Нина. Мы бежали через поле, взявшись за руки, а потом сели у камина и грелись. Вдруг мама запела «Степной стоит пшеница золотая». Ты помнишь эту песню, ба? Ты помнишь, кто ее любил петь?

Входит человек с крыльями за спиной. Ангел.

Ангел. Екатерина Кондратьевна, вы не видели, куда я положил свой чемодан?

Екатерина Кондратьевна. Под диваном, в спальне.

Ангел. Здравствуйте, барышня.

Екатерина Кондратьевна. Познакомьтесь, пожалуйста, это моя внучка, Ниночка.

Ангел. Архангел Гавриил. Какой прекрасный цветок вырос в вашем саду, какое изящество, какой аромат! Иногда я от всего сердца завидую пчелам!

Нина. Что за маскарад, кто этот человек?

Екатерина Кондратьевна. Не человек, архангел Гавриил.

Нина. Какой еще архангел, я тебя умоляю, ба, у него тряпичные крылья за спиной.

Гавриил. Ангел — есть эманация души. Крылья есть некий образ птичеловека, парящего на восходящих потоках святого духа. Мы, деточка, не машем крыльями, аки голуби. Крылья могут быть картонные, бумажные, любые.

Нина. А где же сиделка, ба? Где Наталья Петровна?

Екатерина Кондратьевна. Мы с Гаврюшей ее изгнали. Она пела злым бесовским голосом песни про любовь. А любви-то в ней в самой отродясь не бывало.

Гавриил. В ад, в геенну огненную, в серу! Кимвал бряцающий. Медь звенящая.

Нина. А кто же тебе таблетки дает?

Екатерина Кондратьевна. Не нужны мне таблетки.

Нина. Но доктор прописал тебе таблетки.

Екатерина Кондратьевна. Доктор глупый, он во мне совсем не разбирается. И вообще, он ничего не умеет. Я спросила его как-то: «А вы умеете варить вишневое варенье без косточек?» — а он мне говорит: «Ни разу не пробовал». И вот представь, голубчик, он не умеет варить вишневое варенье без косточек, а берется за излечение человека.

Гавриил. Красивое доказательство, надо запомнить. Из вас, Екатерина Кондратьевна, получился бы великолепный схоласт. Неоплатоники рядом с вами — босоногие мальчики. Вы переплюнули Николая Кузанского.

Екатерина Кондратьевна. Я подарила вашему доктору поваренную книгу и отправила учиться варить варенье. Сначала мы вашего сладенького варенья попробуем, а вот если нам понравится, тогда мы станем пить ваши горькие таблетки. Слышишь, как херувимы поют, Гаврюша?

Гавриил. Слышу, матушка. Сегодня как-то по-особенному.

Екатерина Кондратьевна. Благовест потому что.

Гавриил. Абсолютный слух, абсолютное музыкальное чутье.

Екатерина Кондратьевна. Талантливые ребята.

Нина. Я ничего не слышу, никакого пения.

Гавриил. Вот напасть: сигареты кончились, пойду в пиджаке посмотрю.

Гавриил уходит.

Нина. Кто этот человек, бабушка? Где ты его нашла?

Екатерина Кондратьевна. В троллейбусе отсыпался на заднем сиденье, весь оборванный, босой. На вокзале неделю ночевал, собирал милостыню. Постели, говорит, мне, Катенька, хоть коврик в прихожей, заночевать негде.

Нина. И что, у него за спиной были крылья?

Екатерина Кондратьевна. Крылья у ног, в брезентовом чехле лежали. Он их надевает, когда побирается. Говорит, что ангелам очень хорошо подают. Кстати, миленькая, у тебя есть с собой денежка?

Нина. У меня кредитная карточка, но есть и немного наличными. Рублей триста.

Екатерина Кондратьевна. Давай сюда. Все, все выгребай! Не жадничай. Гавриил!

Гавриил. Я здесь, матушка.

Екатерина Кондратьевна. Скажи, ты хороший человек или плохой?

Гавриил. Богобоязненный и кроткий.

Екатерина Кондратьевна. Тогда возьми денег за то, что ты хороший человек. Купи сигареты.

Гавриил. Благодарствуйте, дружочек Екатерина Кондратьевна. Куплю бутылку вина. Два дня, матушка, ни в одном глазу. Мир кажется мне чем-то застывшим, неподвижным, со вчерашнего вечера мне не хватает в нем движения и парадоксальности, мне хочется, чтобы он накренился вправо или влево. Да здесь и на две бутылки хватит... благодарствуйте.

Нина. Мало того, что он ангел, так он еще и пьющий.

Гавриил. Планета, которой мы касаемся стопами, тоже пьющая, вот увидите, сегодня она напьется до икоты. Смотрите, как небо затянуло.

Екатерина Кондратьевна. А поезд-то у тебя во сколько?

Гавриил. Сегодня в шесть вечера.

Екатерина Кондратьевна. Погостил бы еще немного.

Гавриил. Не могу, матушка, надо ехать. Мои молитвы полны благодати, они лопаются, как перезревший виноград.

Уходит.

Нина. Ну, бабушка, хороши дела, мало того, что ты прохожим деньги раздаешь, ты еще всякий сброд с вокзала домой приводишь, вот достанется тебе от папы!

Екатерина Кондратьевна. Какой же это сброд, деточка моя, это мой ангел-хранитель.

Нина. Ты же прекрасно понимаешь — это человек, это никакой не ангел. Ангелы-хранители — они невидимы.

Екатерина Кондратьевна. Глупости ты говоришь, миленькая, я сама была ангелом-хранителем, я твоего деда трижды из-под огня вытаскивала, один раз у него была насквозь пробита грудь, а в другой раз ноги не было по щиколотку... и я вовсе никогда не была прозрачной, я была фронтовичкой, я была девушкой в теле.

Нина. Но крыльев за спиной у тебя не было?!

Екатерина Кондратьевна. Миленькая, ну откуда тебе знать, были у меня крылья за спиной или нет? Не будь у меня крыльев за спиной, смогла бы я столько солдат вытащить с того света? У меня за спиной были крылья все обгоревшие, разорванные осколками, жалко, что я их не уберегла, я бы их тебе показала. У меня их украли под Саратовом. Я вышла из вагона за кипятком. Прихожу, а крыльев нет.

Звонят в дверь. Входит Илья.

Илья. Mamочка, милая, здравствуй, почему дверь закрыта настежь?

Екатерина Кондратьевна. Здравствуй, Илюшенька.

Нина. Здравствуй, дядя!

Илья (*целует руку Нине*). Здравствуй, милая племянница!

Нина. Как вы умеете целовать руку.

Илья. Этому не научишь, это врожденное. Ма, мы в субботу были на даче и дали с братом друг другу

клятву — больше никогда не ссориться. Страшную клятву.

Нина. Дядя с отцом помирились, обнялись и расцеловались.

Екатерина Кондратьевна. Не надо здесь стоять, отойди в сторонку, деточка.

Нина. Почему, бабушка?

Екатерина Кондратьевна. Место святое. На этом месте, где сейчас твои красивые ноженьки, деточка моя, гроб твоего дедушки стоял. Мой Санечка здесь в гробу лежал... такой смиренный и такой печальный, в белой рубашке с моим поцелуем на устах.

Входит Гавриил.

Гавриил. Вышел на улицу, смотрю, а у меня на ногах два левых ботинка, один из них — женская босоножка. Если бы мальчик в лифте не рассмеялся, я бы ни за что не догадался, в чем дело.

Екатерина Кондратьевна. Это моя босоножка.

Гавриил. Ленивый я стал, сил нет смотреть, что там внизу, на грешной земле творится.

Екатерина Кондратьевна. Познакомьтесь, это мой старшенький, Илья Александрович. Архангел Гавриил.

Гавриил. Гавриил. Очень рад, слышан, слышан.

Нина. Он здесь живет уже три дня.

Илья. Мама, откуда у нас дома ангелы?

Екатерина Кондратьевна. Это мы у них в гостях, а не они у нас. Мы в раю, мы все на небесах, это ангел. Что здесь неясного?

Илья. Почему ангел ходит в папиных вещах?

Екатерина Кондратьевна. Потому что наш папа был очень хорошим человеком, и поэтому не только он сам в рай попал, но и все его вещи тоже вознеслись.

Илья. Все ясно, вопросов больше нет. Благодарю.

Гавриил. Скажите, а у вас закурить не найдется?!

Илья. Последняя.

Гавриил. Что вы курите?

Илья. «Приму».

Гавриил. Давайте.

Илья. Курящий ангел — это любопытно!

Нина. Он еще и пьющий.

Гавриил. Водится за мной такой грешок. Я принесу вина,
устроим застолье, заодно куплю сигареты.

Илья (*дает деньги*). Вот, возьмите. Две пачки.

Гавриил уходит.

Илья. Мама, это есть не очень хорошо!

Екатерина Кондратьевна. Что именно?

Илья. То, что у нас дома завелись ангелы.

Екатерина Кондратьевна. Ангелы не тараканы.

Илья. Надеюсь, он в единственном числе?

Екатерина Кондратьевна. Их мириады, мальчик мой, ты их просто не видишь.

Илья. Все ясно. Где сиделка, мама?

Нина. Они ее изгнали, она пела злым бесовским голосом песни про любовь.

Екатерина Кондратьевна. А любви в ней отродясь не бывало. И вообще она не о любви пела, если знать хотите.

Илья. О чем она пела, мама?

Екатерина Кондратьевна. О сексе!

Входит Сергей с супругой Ольгой и племянницей Ритой.

Сергей. Здравствуй, милая моя мамочка, как ты себя чувствуешь, дорогая?

Екатерина Кондратьевна. Спасибо, сынок, спасибо, мой мальчик, хорошо себя чувствую.

Сергей. Илья, дорогой, здравствуй, какими судьбами! Вот так встреча! Здравствуй, мой любимый и единственный брат!

Илья. Проезжал мимо, дай, думаю, зайду к маме, здравствуй, дорогой, дай я тебя обниму. Знаешь, кого я только что видел?

Сергей. Мама, мы помирились раз и навсегда и больше никогда не будем ссориться.

Ольга. Здравствуй, Илюшенька!

Илья. Здравствуй, золовка.

Ольга. Поцеловать можно?

Илья. Конечно, можно.

Ольга. И еще Екатерину Кондратьевну.

Екатерина Кондратьевна. А я поцелую Риточку.

Рита. А я поцелую дядю.

Ольга. Мы ходили на выставку, смотрели Сезанна.

Рита. Обожаю импрессионистов.

Сергей. После Сезанна мы пошли обедать. Дорогой брат, я хочу тебе пожаловаться на племянницу, она очень плохо кушает... полтора часа царапала вилкой рыбу и ровно три четверти оставила в тарелке, а, между прочим, кухня самая изысканная.

Рита. Я худею.

Нина. Куда тебе худеть? Ты и так прозрачная.

Екатерина Кондратьевна. У меня красивый профиль, правда, девочки, и брови красивые, правда?

Рита. Что это вдруг о бровях заговорила, бабушка?

Екатерина Кондратьевна. Влюбиться хочется, сил моих нет.

Ольга. Так это же прекрасно, Екатерина Кондратьевна! В любом возрасте любовь — это праздник.

Екатерина Кондратьевна. Характер у меня мягкий, покладистый, мне бы женишка хорошенького. У вас, девочки, нет никого на примете, чтобы веселый был и умел на гармошке играть?

Рита. Сейчас, бабушка, никто уже на гармошке не играет, это не модно.

Нина. Все парни играют на гитарах.

Екатерина Кондратьевна. Я согласна, давайте с гитарой.

Илья. Мамочка, ты скоро будешь прабабушкой, будешь правнуков растить. Зачем тебе замуж?

Екатерина Кондратьевна. Я вчера вышла во двор и встретила нашего папу, я ему говорю, так, мол, и так, Сашенька, сил моих нет, влюбиться хочется, а он мне отвечает... «Влюбляйся, Катенька, влюбляйся сколько душе угодно, ты мне всю жизнь была верна и всю жизнь любила меня одного. Если того душа хочет, влюбляйся». И вот я иду, солнце светит, снежок с неба сыпется, мороз щеки жжет, влюбиться хочу до потери сознания, так что сердечко заходится, а вот не в кого!

Сергей. Папы давно нет, мама, ты не могла его встретить во дворе!

Екатерина Кондратьевна. Папа есть, просто вы этого не знаете. Папа всегда был и всегда будет!

Илья. Не спорь, что бы ни говорила, соглашайся.

Сергей. У меня руки отнимаются, когда она говорит такие вещи.

Илья. Найдем мы тебе жениха, мамочка, обязательно найдем тебе жениха!

Ольга. У меня на примете есть один пенсионер, отец моей лучшей подруги, морской офицер.

Екатерина Кондратьевна. Я не хочу пенсионера, я хочу молоденького.

Илья. Браво, это по-нашему! Наша бабушка хочет молоденького!

Екатерина Кондратьевна. Чтобы веселый был, пусть небольшого росточка, но чтобы заводной, я бедовых люблю. Молоденького, не испорченного. Сейчас мужчины быстро портятся, годам к двадцати пяти все червивые... развратные, злые... ничего святого в душе нет, а мне бы свеженького, нежного, чтобы стыдился всего на свете, чтобы краснел.

Сергей. Найдем тебе застенчивого, мама, обязательно найдем.

Илья. А что остается делать? Будем искать!

Ольга. Другого выхода у нас нет.

Екатерина Кондратьевна. А давайте сядем за стол и будем пить чай.

Сергей. Я же говорил, чай — это классика! С тортом, мама?

Екатерина Кондратьевна. С тортом.

Сергей. Что я говорил, кто из нас гений?

Екатерина Кондратьевна. Но только обязательно позовем Коленьку!

Сергей. Коля — это кто такой, ма?

Екатерина Кондратьевна. Но ты же сейчас сказал, что у тебя для меня есть жених, что ты хочешь меня познакомить и что зовут его Коленькой.

Сергей. Я этого не говорил.

Екатерина Кондратьевна. Как не говорил, только что сказал!

Рита. Дядя не говорил, бусинка, он правда, честное слово, ничего подобного не говорил.

Екатерина Кондратьевна. Какие жестокие дети, зачем же вы меня мучаете? Я все слышала. Коля! Где ты, Коля, Коленька?!

Рита. Ба, ты куда?

Екатерина Кондратьевна. Коля, где ты, Коля, где ты, Коленька? Наверное, вышел на балкон покурить.

Ольга. Спрятался. Застенчивый очень.

Илья. Черт нас дернул выяснять отношения при матери. Не исцеляет наша семейная идиллия.

Сергей. У меня сердце кровью обливается.

Екатерина Кондратьевна. Он обиделся, он уехал, что вы ему обо мне порассказали?

Сергей. Мама, что ты делаешь с нами?

Илья. Мама, Николая сейчас вернется.

Екатерина Кондратьевна. Вернется?

Рита. Обязательно, конечно, вернется, куда же он денется.

Екатерина Кондратьевна. А куда он ушел?
Сергей. В булочную.
Екатерина Кондратьевна. А мне почему не сказал?
Сергей. Торопился, обеденный перерыв через пять минут.
Илья. Какой обеденный перерыв, уже смеркается.
Сергей. Неважно.
Екатерина Кондратьевна. Девочки, у вас молоденькие, красивые мальчики?
Нина. Да, бабушка, у нас молоденькие мальчики.
Екатерина Кондратьевна. И у меня тоже молоденький. Давайте соберем молодежь и устроим праздник. А родителей не позовем.
Рита. Не позовем.
Нина. Нет, не позовем.
Илья. А мы в кино пойдем, пусть молодежь веселится, как захочет.
Екатерина Кондратьевна. А у тебя, Нина, брюнет?
Нина. Да, брюнет.
Екатерина Кондратьевна. А у тебя, Рита?
Рита. Блондин.
Екатерина Кондратьевна. А у меня рыженький.
Сергей. У моей мамы рыженький!
Екатерина Кондратьевна. Он не придет. Он никогда не вернется! Вы сказали, что я замужем, что у меня есть дети.
Илья. А разве это не так, разве у тебя нет детей?
Екатерина Кондратьевна. Нет, вы не мои дети.
Сергей. То есть как это — мы не твои дети? То есть у тебя нет детей?
Илья. Никаких дискуссий!
Екатерина Кондратьевна. Есть! Я их вот здесь, под сердцем вынашиваю, они будут рыженькими, нежными и ласковыми, а вы огромные, черные, жестокие, бесчувственные брюнеты.

Ольга. Ну, как вам дышится в этой атмосфере любви?

Илья. У нее опять поехала крыша.

Ольга. Надо дать ей двойную дозу анафранила.

Сергей. Кого будут судить, мама? Кто нас будет судить?

Илья. Да замолчи ты, пусть несет свою ахинею!

Сергей. Мне самому скоро понадобится доктор.

Рита. Так в чем же дело, у нас лучший в городе!

Ольга. И меня запишите на прием.

Екатерина Кондратьевна. Судить вас всех будут, судить!

Илья. У меня размывается ощущение реальности.

Сергей. За что? Мама! За что нас будут судить?!!!!! Кто нас будет судить, мама? Мама, милая, мама, я не могу больше это слышать, кто, кто нас будет судить?

Екатерина Кондратьевна. На страшном суде, архангел Гавриил вас будет судить.

Нина. Тот, который пошел за вином?

Екатерина Кондратьевна. Да.

Илья. Который вытащил у меня последнюю сигарету? Он не имеет морального права, это дурной тон — забирать последнюю сигарету.

Сергей. О чем вы, господа?

Нина. Да, па, мы пришли, а здесь ангел с крыльями расхаживает в дедушкином пиджаке.

Екатерина Кондратьевна. Он вас засудит, будете жить во тьме, в холоде, будете сидеть на железной полке и стучать зубами, в холод вас всех, во тьму в крошечную! В пустоту! Я вас верну туда, откуда вас на божий свет вытащила!

Ольга. Как физиологу мне было бы очень любопытно понаблюдать за этим процессом.

Илья. Здесь был ангел. Он ушел и сказал, что скоро вернется.

Екатерина Кондратьевна. И бросит вас в серу кипящую!

Рита. Как интересно!

Сергей. Ты что-нибудь понимаешь?

Ольга. Нет.
Сергей. Какой ангел?
Нина. С крыльями, папа, ангел с крыльями!
Ольга. Эпидемия!

Шум в прихожей. Входит Гавриил.

Нина. А вот и наш ангел, легок на помине!
Гавриил. Здравствуйте, господа!
Сергей. Здравствуйте!
Гавриил. Я купил прекрасное вино... церковный кагор, кстати, незадорого. Будем пить вино и слушать, как дождь барабанит по подоконнику. Пришло время причаститься, приложить свои души к лекалам, по которым пошито человечество. Пришло время соединить в одном бокале вечность и мгновение!
Сергей. Кто вы и откуда?
Гавриил. Я емь форма лучистого света, крылатое творение мыслящего духа, хранитель всех совершенств потустороннего мира.
Нина. Он живет у бабушки три дня.
Сергей. Кто вы и откуда?
Гавриил. Вы хотите знать, как я познакомился с Екатериной Кондратьевной?! Рассказываю. Итак, был час ночи, я ехал в троллейбусе счастливый и босой, фактически без всякой надежды на ночлег. На Садово-Триумфальной вошла ваша мама, вся в слезах, а мне как раз запить было нечем, и я запил ее слезами. Ее слезы обожгли мою душу. Это все равно что водку запить спиртом, вы не пробовали?
Илья. Она прохожим на улице рассказывает про наши семейные неурядицы, рассказывает, какие мы с тобой плохие дети.
Нина. Он жил две недели на вокзале, и наша бабушка его приютила.

Сергей. Кстати, а где сиделка, где Наталья Петровна?

Нина. Они ее выгнали.

Илья. Она пела злым голосом песни о сексе.

Гавриил. Давайте выпьем, смотрите, какой ливень, жизнь прекрасна, она мимолетна, она уходит мгновение за мгновением. Давайте вместе наслаждаться трагическим зрелищем уходящего времени, когда-нибудь на этой планете закончится жизнь, и я обязан буду запомнить на веки вечные, как она была прекрасна, я обязан через вечность пронести настроение сегодняшнего вечера, шепот листвы, все ваши самые тонкие ощущения от реальности.

Рита. И крылья за спиной, все как полагается.

Нина. Белоснежные.

Гавриил. Только позавчера я их забрал из химчистки.

Илья. Откуда вы забрали свои крылья?

Гавриил. В четверг стоял в очереди в кассу, в супермаркете, вдруг откуда ни возьмись за моей спиной появился маленький художник, лет восьми, и написал на моих крыльях зеленым фломастером вопиющую нецензурщину. Два слова, но каких! Пришлось попросить у матушки Екатерины Кондратьевны денег на химчистку!

Екатерина Кондратьевна. Гаврюша, они поссорили меня с Коленькой, они ему наговорили про меня гадостей.

Гавриил. Коля — это кто, Екатерина Кондратьевна?

Екатерина Кондратьевна. Мой жених.

Гавриил. Пока я за вином ходил, вы замуж собрались?

Екатерина Кондратьевна. Да, он был такой хорошенький... маленький, рыженький. Ты все знаешь, все видишь, скажи мне, мой друг, где он?

Гавриил. Не переживайте, пустяки, Екатерина Кондратьевна, он вернется. Я вижу. Он идет сюда.

Сергей. Кто идет сюда?

Гавриил. Невысокого роста рыжий человек, настоящий мачо, звонкий и упругий, как футбольный мяч, нежный, щедрый и добрый. Я вижу: он идет сюда, он скоро будет здесь.

Екатерина Кондратьевна. Как скоро, Гаврюша?

Гавриил. Через полчаса будет, матушка.

Сергей. А у него есть гитара?

Гавриил. А вы хотите, чтобы была?

Екатерина Кондратьевна. Да! Гитара или гармошка!

Гавриил. Как же я сразу не разглядел — у него в руках футляр с гитарой!

Екатерина Кондратьевна. Мне надо причесаться, мне надо привести себя в порядок... где мое свадебное платье, где мои парадные туфли?

Гавриил. А позвольте узнать, зачем вам замуж, Екатерина Кондратьевна, что это вам в девках не сидится?

Екатерина Кондратьевна. Мне нужно, Гаврюша, нарожать новых деток, добрых, ласковых, эти червивые, злые, нехорошие, лгут, что любят друг друга, и еще ссорят меня с Николаем Степановичем... Я беременна, мне нельзя волноваться!

Гавриил. Великолепно! Какая прекрасная страсть! Рожать! В любом возрасте при любых обстоятельствах продолжать свой славный род, качать детей на руках во время войны, голода, тифа, в юности и глубокой старости! Bravo! Вот поколение титанов, великих людей. Я пью за великих женщин!

Сергей. Я с удовольствием выпью.

Рита. И я.

Ольга. И я.

Илья. И я, и я тоже выпью, где мой валидол?

Гавриил. А нынешние не желают ни рожать, ни жениться. Одевайте, одевайте свое свадебное пла-

ть, замуж никогда не поздно. Ваш идалго, ваш прекрасный трубадур идет сюда, выпьем за его здоровье!

Екатерина Кондратьевна. Где мои белые перчатки, где моя фата?

Гавриил. Да здравствует любовь! Человечество продолжает плодоносить, пусть станут сладкими плоды его. У вас будут прекрасные, красивые дети!

Екатерина Кондратьевна. Рыженькие.

Гавриил. Рыженькие!

Илья. Перестаньте издеваться над больным человеком, эта женщина — наша мать.

Екатерина Кондратьевна. Я не ваша мать, найдите себе другую мать, вы не мои дети, мои дети нежные, как енотики, а вы черные, жестокие звери! Вот мое свадебное платье, где здесь подол, где голова?

Сергей. Мама, милая мама, у меня сейчас кровь остановится в венах! Что ты делаешь с нами, мама!

Ольга. Она не понимает, что говорит, это уже не совсем человек.

Илья. Это то, что осталось от человека.

Ольга (*Сергею*). Вот увидишь... рано или поздно нам придется ее госпитализировать, ты напрасно тянешь.

Рита. А по-моему, она совершенно счастлива, каким-то своим счастьем, если хочет, пусть выходит замуж.

Екатерина Кондратьевна. Я чувствую, я их слышу...

Сергей. Что ты чувствуешь, мама?

Екатерина Кондратьевна. Мои деточки, они и шевелятся у меня в животе. Какая радость, я снова беременна!

Сергей. От кого же ты забеременела, мама?

Екатерина Кондратьевна. От Николая Степановича.

Сергей. Но ведь еще свадьбы не было. Как ты могла забеременеть?

Екатерина Кондратьевна. Что вы мне голову морочите, вы же прекрасно понимаете, для того чтобы забеременеть, свадьба не нужна.

Илья. Как ты могла забеременеть от человека, которого никто в глаза не видел!!!

Екатерина Кондратьевна. Не беспокойтесь, те, кому надо, те повидали.

Гавриил. Bravo, Екатерина Кондратьевна!

Екатерина Кондратьевна. Я буду целовать их нежные пяточки, их розовые попки, они такие хорошенькие в перевязочках, такие потешные, боже мой, как я счастлива! Я каждый пальчик на ножке поцелую, если мне надо будет ради них умереть, я умру, мои маленькие, мои сладенькие.

Сергей (*в истерике*). Будь проклята Италия со всеми ее красотами, вместе с Колизеем, форумом, Ромулом Ремом, Цезарем и Капитолием, Адриатическим морем и лазаньей!!! Будьте прокляты Цезарь, морские гребешки, ласковое солнце, будь все это сто сорок четырежды раз проклято!

В Т О Р О Й а к т

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гавриил. При чем тут Италия? Прекрасная страна!

Илья. Однажды в детстве мой брат ударился головой о дверь, а потом битый час избивал ее ногами за то, что дверь ударила его по голове. Для тех, кто не знает, объясняю: Сергей Александрович ударился головой об Италию.

Сергей. Три года назад в сентябре... Я беру с собою отдыхать своего родного брата, оплачиваю ему перелет, пятизвездочный отель, даю деньги на карманные расходы, я вожу его по Флоренции на машине,

а этот возвращается из душевой и на глазах у всего пляжа надевает мне на голову свои мокрые трусы.

Илья. Плавки, я их постирал в душевой и тщательно выжал.

Сергей. Я же попросил тебя: сними их с моей головы!

Илья. У тебя у самого... что, руки отсохли? Ты перегрелся на солнце, это был влажный компресс. Он смертельно обиделся на в общем-то безобидную шутку. Пошел в отель якобы отдохнуть. Тихо-тихо собрал чемодан и улетел в Париж! Он оставил меня в чужой стране на пляже в шортах и сандалиях, без паспорта, документов и средств к существованию.

Сергей. Посмотри на мать, на мать посмотри, что ты с нею сделал, это твоих рук дело!

Екатерина Кондратьевна. Что они со мной сделали, Гаврюша?

Гавриил. Ваши сыновья поссорились и возненавидели друг друга. От горя вы лишились рассудка, Екатерина Кондратьевна.

Екатерина Кондратьевна. Верно, совсем из ума выжила, вчера на подоконник поставила чайник, два часа просидела, все ждала, пока закипит, а он все не свистит.

Илья. Нет, это твоих рук дело, а не моих, мерзавец! Это ты во всем виноват!

Екатерина Кондратьевна. Рассуди их, ангел мой!

Гавриил. Суд я буду вершить, суд страшный! Соберу облака вокруг трона, уста ваши отмою от желчи. Амен. Меж двух столбов, Иахином и Воазом, сидит Иисус. На коленях у него слово Божьего откровения. Вы, рабы божьи, тотчас предстанете как есть перед миром Вечности! Говори, Каин, зачем ты надел мокрые плавки на голову брату своему Авелю?

Екатерина Кондратьевна. А я вас предупреждала, ну вот и доигрались! В серу их, в серу кипящую!

Илья. Ну, какое это имеет значение для вечности — зачем я надел мокрые плавки брату на голову?

Гавриил. Это и есть альфа и омега, сладость жизни и ее горечь, краеугольный вопрос бытия, тайна мироздания, хранимая за семью печатями. Зачем ты это сделал, Каин?

Илья. Это мой младший брат, я с ним что хочу, то и делаю. Это сейчас он стал ходить павлином... телохранители, секретари и расписание на полгода вперед, а когда он был пацаном, я его метелил как сидорову козу, делал с ним все, что захочу. Эх, золотое было времечко!

Гавриил. Правды, я алкаю правды.

Ольга. Он алкает и лакает одновременно.

Илья. А что вы привязались ко мне, почему вы ему вопросов не задаете? Он пошутил пострашнее, намного пострашнее: оставил меня в чужой стране одного, без документов и средств к существованию, я чуть не подох с голоду, три ночи спал на пляже, на топчане.

Сергей. Во Флоренции теплые ночи.

Илья. Он увез все мои деньги.

Сергей. Это были мои деньги.

Илья. Зачем ты взял мой паспорт?

Сергей. Чтобы меня не обвиняли в отсутствии чувства юмора.

Илья. Мерзавец!

Гавриил. Я спрашиваю тебя, Каин, для чего ты возложил мокрые плавки на голову брата своего Авеля?

Екатерина Кондратьевна. Тебя спрашивают, отвечай, пред ангелом стоишь небесным.

Илья. Хорошо, я все расскажу. Итак, был прекрасный летний день, середина июля, я лежал в шезлонге и загорал.

Сергей. Показывал фокусы на спичках двум молоденьким нудисткам. Это в качестве справки. Лет по девятнадцати.

Рита. Ты показывал фокусы обнаженным девушкам?

Сергей. Обнаженные девушки на полотнах старых мастеров. Двум голым девочкам. Одна лежала на животе, а другая на спине. На расстоянии вытянутой руки. Так близко, что были видны мурашки, когда поднимался ветер с моря.

Рита. Ну, папа, ну знаешь!

Илья. Очень интеллигентные и смысленные девушки из Сорбонны.

Сергей. Какая Сорбонна, я тебя умоляю, какая Сорбонна! Доверчивый, как ребенок!

Гавриил. Не имеет значения! Дальше!

Сергей. Было часов пять пополудни, спустя три часа мы собирались сесть в машину и поехать в Венецию, о которой мой брат мечтал тридцать лет сознательной жизни. Собственно, ради Венеции я и взял его в служебную командировку. Наши шезлонги стояли рядом, солнце начало медленно опускаться за горизонт, вдруг я оказался в тени мистера Копперфилда, и поэтому вежливо попросил знаменитого фокусника переместиться чуть вправо, с тем чтобы он не перекрывал своим телом солнечный свет.

Илья. А что помешало тебе самому совершенно самостоятельно занять другое, новое положение в пространстве, встать и подвинуть свой шезлонг?

Сергей. Но это я первый попросил тебя, разве я был невежлив с тобой, неужели было трудно!

Илья. Я так же вежливо попросил оставить меня в покое. Что я тебе, чернокожий мальчик?

Сергей. Я пять лет финансировал твои научные изыскания, дал деньги на издание монографии о филогенезе. Я подарил университету четыре стипендии

для особо одаренных и нуждающихся аспирантов! Отремонтировал твою квартиру, поставил ванную с гидромассажем, чтобы мой брат, научный гений, лежа в этой ванне, мог генерировать новые научные идеи. В моем представлении это была некая купель, где рождается современная генетика... одним словом... я несколько раз повторил свою просьбу... как об стену горохом, на моем животе лежала огромная, жирная черная тень, и тогда я расставил слова следующим образом: «Мой дорогой и любимый брат Илья, если ты не сделаешь то, о чем я тебя попрошу, мы не поедem в Венецию!»

Илья. На что я ответил... Значит, мы не поедem в Венецию.

Сергей. То есть остаться лежать в шезлонге тебе важнее, чем увидеть то, о чем ты мечтал всю жизнь?

Илья. Для меня дороже жизни поступать согласно своим убеждениям.

Сергей. Хорошо! Отлично! Я сам встал и сам передвинул шезлонг и снова лег. Когда пришло время ехать, я не шелохнулся. Он подумал, что я не сдержу слова. Вдруг мистер Копперфилд осознал, что он не увидит гондольеров в ближайшие пятьдесят лет как минимум. С лицом, перекошенным от злости, он ушел купаться, а когда вернулся, на глазах у всего пляжа выжал мокрые плавки и положил мне их на голову.

Илья. Чтобы поостыл немного.

Сергей. Я просил тебя: «Сними их с моей головы!!!»

Илья. Зато девочки посмеялись от души!

Сергей. Мои слова и даже угрозы не возымели никакого результата. Тогда я своими собственными руками снял мокрые плавки с головы и, не сказав ни слова, минут через ...надцать пошел в гостиницу, собрал вещи, в том числе и вещи моего брата, и улетел в Париж.

Илья. В Москве, кстати, было холодно, градусов десять, а я в шортах и резиновых пляжных тапочках. Приехал из аэропорта, зуб на зуб не попадает, захотел согреться, вхожу в ванную... и что я вижу? В моей ванной нет ванны! Джакузи нет! Из стены торчат обрезанные трубы!

Сергей. Бог дал, бог взял.

Гавриил. Не богохульствуй! Ты не бог, ты есть солома под его ногами!

Илья. Я помылся у соседей. Слава богу, тираж моей монографии, изданный на деньги мецената, еще не поступил в продажу. Я поехал на склад издательства. Три дня я сидел и заштриховывал черными чернилами благодарственную надпись на книге, а именно: «Посвящаю эту монографию своему любимому брату, Первухину Сергею Александровичу». Все до последнего экземпляра. Черными чернилами, я заштриховал пять тысяч книг за четырнадцать дней!

Сергей. А я подослал в издательство оптовиков, скупил все экземпляры до последнего и сжег весь тираж на свалке! Все до последнего экземпляра!

Илья. Мерзавец, как ты посмел, я полжизни посвятил этой монографии! Ты никогда не понимал ценности того, что я делаю. Это был тяжелейший удар, эту книгу ждали в Библиотеке Конгресса США, в двенадцати странах мира! Но я отомстил! Спустя год мой брат баллотировался на должность губернатора, и я послал по почте его конкурентам одну бумажку, которую хранил двадцать лет, это было решение суда, там было сказано, что я беру на поруки своего младшего брата-хулигана.

Сергей. Я не просто проиграл выборы, мы потеряли контроль над самым богатым угольным регионом, я потерял огромные деньги! Идиот! И вот только

тогда, когда меня довели до кипения, я выкупил роль в кино. Племяннице причитался слишком большой гонорар, а я мечтал только об одном: чтоб папа, Рита, твой донашивал до конца своих дней свои единственные ботинки!!!

Рита. Какой ужас!

Ольга. Совсем обезумели!

Рита. Оба!

Екатерина Кондратьевна. Когда вы были маленькими мальчиками, случалось, вы дрались в кровь, но между вами никогда не возникало ненависти. Что же должно было случиться с каждым из вас, чтобы из-за пустяка вы возненавидели друг друга так люто?

Гавриил. Для этого надо полюбить самое себя безграничной любовью, как неприкасаемую святыню, и в сердце свое впустить бесчисленное количество скотов — рычащих, мерзких, хранящих святость гордыни.

Екатерина Кондратьевна. Господи Иисусе! Спаси и сохрани!

Гавриил. Готовы ли вы сейчас же в присутствии матери раскаяться в самости и гордости и попросить друг у друга прощения, с тем чтобы в сердца ваши вошла кротость, любовь Господня и вы обнялись, как обнимаются любящие друг друга братья?!

Сергей. Я не думаю, что это возможно.

Илья. А я тем более не думаю, что это возможно!

Гавриил (*Сергею*). Вставай на колени, живодер, и кайся в гордыне своей!

Сергей. Выбирайте, пожалуйста, выражения, ваше крылатое преподобие.

Гавриил. Вставай на колени, копоть серная, и кайся в гордыне своей! Иначе брошу я тебя в огонь, железом вырву из ребер твоих сердце и брошу гадам на съедение!

Екатерина Кондратьевна. Сереженька, сынок, вставай на коленки, как тебе велено!

Сергей. Почему именно я, мама?! Он первый начал!

Екатерина Кондратьевна. Как тебе не совестно, стоишь на страшном суде, на облачной тверди, пред очами Господними в присутствии усопших родственников своих до тринадцатого колена! Все собрались вокруг престола Господнего и смотрят на тебя, а ты, мальчик, пререкаешься! Мать свою не позорь перед людьми!

Сергей. Мама, я не вижу усопших родственников, я вижу живых, здравствующих, розовощеких родственников.

Ольга. Я уже давно не розовощекая, мне что-то дурно!

Екатерина Кондратьевна. А это кто, по-твоему, вот здесь, от тебя по правую руку?

Сергей. Где, мама?

Екатерина Кондратьевна. Вот здесь! Смотри! Дед твой стоит — Кондратий Мефодьевич. Здравствуй, деда, полюбуйся на внучков, какие выросли, в душе ничего святого! А это мой дядя, Михаил Федосеев, мичман второй статьи, между прочим, принимал участие в Цусимском сражении. А вот моя мамочка, Мария Андреевна, она умерла молодой, когда мне было три годика, (*Pute*) здравствуй, мамочка.

Рита. Здравствуй, доченька.

Сергей. Перестань, пожалуйста, валять ваньку, дорогая племянница!

Рита. Я не племянница тебе, я твоя прабабушка Марья Андреевна, не пререкайся со старшими, мальчик, встань на колени и покайся.

Екатерина Кондратьевна. Вот такие сейчас дети растут, он о душе не думает, ездит каждый год в Германию на воды, там его промывают клизмами с минеральной водой из целебного источника, а душу

свою, а душу держит в грязи, она почернела давно и съежилась, и запах от нее ужасный, слышишь, какое от внучка твоего, от души его происходит зловоние?

Рита. Слышу, слышу, доченька, ужасно воняет.

Сергей. Не надо юродствовать, Рита, это «Жак Франко Ферре», лучшие мужские духи в мире.

Гавриил. Не спорь, червоточина гноеточащая, воняет от твоея души ужасно, закрой ее ладонями и на колени встань предо мною.

Екатерина Кондратьевна. Не будь выродком, сынок, смирись, покайся, встань на колени пред ангелом небесным.

Рита. Вставай, внучек, на колени и покайся уже наконец, сколько же можно измываться над собственной матерью!

Нина. Па, ну что ты, ей-богу, не стесняйся, ты же не на приеме у президента, по телевидению тебя не покажут.

Гавриил. Разрублю я тебя мечом, достану душу твою и буду жечь ее вечность! На колени, аспид!

Екатерина Кондратьевна. Согни коленочки свои, деточка. Ну, давай, давай, Сереженька, сыночек. Вставай на коленки, маленький, не бойся! В этом ничего постыдного нет!

Сергей. Хорошо, хорошо, я встану на колени, мама, но только ради тебя, потому что ты меня об этом просишь.

Гавриил. Не ради матери, а ради спасения души своея!

Сергей. Как скажете, я устал сопротивляться. Можно, я положу под колени подушку?

Гавриил. На голые доски вставай!

Сергей. Мне больно, у меня мениск коленного сустава.

Гавриил. Пусть твое тело пострадает от боли так, как страдала твоя душа, когда ты над нею измывался.

Сергей. Голос на меня повышать не надо! Я к этому не привык.

Гавриил. Железом прикую тебя к камням раскаленным, язык твой будут кусать осы, и черви медные станут грызть твою брэнную плоть! Коленями на твердь становись, на доски, окаянная душа! Суд страшный буду вершить над тобой!

Екатерина Кондратьевна. Не пререкайся с ангелом, сынок, помолчи лучше!

Сергей. Хорошо, хорошо, мама, только ради тебя, я сделаю все, что ты скажешь!

Гавриил. Смотрю в душу твою и вижу основание ада. Взожженный огненный меркурий, оторвавшись от Божественного единства любви и кротости, вошел во звериный образ бытия, отчего жизнь твоя сделалась мрачною, грубою и яростною! Небесные же силы и краски в ней померкли! Скажи, Каин, чувствовал ли ты, как ярость и жжение разливается по твоей крови, когда твой брат позволил тебя послушаться и не сделал то, о чем ты его просил?

Сергей. Да, я почувствовал ярость!

Гавриил. Была ли эта ярость огненной, чувствовал ли ты в голове огненное жжение?

Сергей. Чувствовал.

Гавриил. Перекинулся ли огонь чрез кровь на душу твою? Захотелось ли тебе собственными руками разорвать в клочья своего брата единокровного?

Сергей. Да, когда я собирал вещи, мне захотелось вернуться на пляж и убить его!

Гавриил. Было ли в груди удушье от ненависти?

Сергей. Было.

Гавриил. Скажи, а после того как вы расстались, успокоилась ли твоя душа мщением? Мечтал ли ты дальше о зле для своего брата?

Сергей. Да, я мечтал.

Гавриил. О чем вожделенно мечтала воспылавшая ненавистью душа твоя? О каком именно зле ты мечтал для брата своего?

Сергей. Чтобы он доживал в нищете, в рубищах, чтобы потерял самое дорогое, что у него есть. Чтобы он приполз на коленях мириться и просить прощения.

Гавриил. А что именно он должен был, по-твоему, потерять? Что есть то, самое дорогое?

Екатерина Кондратьевна. Не стесняйся, Сережа, говори как есть.

Сергей. Я хотел, чтобы его оставила жена, которую он так безумно любит.

Илья. Мерзавец!

Гавриил. Замолчи, у нераскаянного нет суда над кающимся! Ибо он уже открывает врата сердца, и мерзость и чернота уходят из костей и крови, а у тебя и в мыслях этого нет! Ибо он уже очищается, а ты в темнице держишь душу свою! Говори, зачем его должна оставить единовенная?

Сергей. Они сидели за одной партией в первом классе.

Илья. Негодяй!

Гавриил (Илье). Замолчи, ржавчина, или я тебе вырву твой поганый язык!

Ольга. Ангел-то у нас какой строгий!

Сергей. Я хотел, чтобы он остался один как перст. Гол и нищ. Чтобы на коленях приполз! Милостыню просить и ноги целовать!

Илья. Не дождешься!

Гавриил. Скажи, кающийся, а была ли мечта о зле для брата слита воедино с болью, а было ли тебе одновременно и больно и сладко мечтать о том, как брат твой станет несчастен?

Сергей. Мне было и сладко и больно.

Гавриил. А почему сладко было, знаешь?

Сергей. Знаю. Потому что я ненавижу своего брата.

Гавриил. А почему больно было, знаешь?

Сергей. ...

Гавриил. Было больно оттого, что ты любишь его?

Сергей. Не знаю.

Гавриил. Зато я знаю, любишь и ненавидишь одновременно. Верно?

Сергей. Да!

Гавриил. Сейчас я изгоню из твоего сердца на веки вечные одно из двух — ненависть или любовь, ибо они более не могут находиться вместе! Скажи, что оставить в сердце твоём: любовь или ненависть? Как скажешь, так и сделаю.

Сергей. Оставить первое.

Гавриил. Любовь?

Сергей. Да.

Екатерина Кондратьевна. Слава тебе, Господи!

Гавриил. Так, значит, любовь оставить в сердце твоём?

Сергей. Да, оставить любовь.

Гавриил. Соблазнил гордынею ты душу свою. Черную собаку впустил ты в сердце свое, изгрызла она, сожрала любовь Христову. Изыди, зверь, из сердца этого человека, изыди в царствие тьмы, лютая гордыня, тварь четвероногая. Вот я тебе сейчас, ату ее, ату! Ах, собака побежала, побежала!

Екатерина Кондратьевна. Я тебе полагаю, я тебе полагаю на меня! Пошла вон, тварь четвероногая! Вот сейчас возьму палку!

Гавриил. Изгнал я псину и самость из сердца твоего. Осталась в нем одна любовь. Амен. Теперь легко тебе будет просить прощения, попроси прощения у брата, обними его.

Сергей. Я искренне раскаиваюсь, брат, прости, я очень сожалею, что так получилось. Ты мой брат. И что бы там ни было, я тебя люблю и всегда буду любить.

Екатерина Кондратьевна. Сережик, мальчик мой, кровиночка моя, ну слава богу, дай я тебя расцелую. Я же говорила, у меня прекрасные мальчики!

Гавриил. Амен. Скажи, Илья, а ты хочешь раскаяться, простить своего брата и обняться с ним, облившись слезами любви и кротости?

Илья. Мне не в чем раскаиваться.

Екатерина Кондратьевна. Как же не в чем? Ты Сережика ненавидишь!

Илья. Как видите, есть за что.

Гавриил. Он раскаялся и попросил у тебя прощения. Прости его, ибо нет человека без греха, ибо ты тоже пред ним виноват, прости его, иначе твоя душа вечность будет мучиться и гореть в геенне огненной.

Илья. Геенна огненная — это свалка в Иерусалиме, где древние евреи сжигали мусор, я там был, я видел геенну огненную и ничего страшного не обнаружил — обыкновенный овраг.

Екатерина Кондратьевна. Ты посмотри, какой упрямый!

Гавриил. У вас есть душа, вы верите в то, что у вас есть душа?

Илья. Запомните, мой сильно пьющий друг! В этом мире есть только две субстанции — это энергия и информация. А своего брата мне незачем прощать, я его презираю и всегда буду презирать, потому что он обыкновенный человек, живущий своим маленьким, ничтожным интересом. Если Бог его простил, это Его личное дело. Я брата не прощаю, я не верю в его раскаяние, он завтра будет делать подлости. Обыкновенный человечешко, каких большинство. Он не раскаялся, никто ни разу по-настоящему за две тысячи лет не раскаялся (*и никто никого не простил*), это все вранье! И люди не больше любят

друг друга, чем осел любит капусту, которую ест. Люди друг для друга являются всего лишь средством для достижения личных целей. Я люблю свою мать, люблю жену и дочь, и мне достаточно, мне больше никто не нужен.

Гавриил. На колени вставай, тьма бездонная, на колени! Пока не поздно, и не пререкайся!

Илья. Я встану на колени, и расскаюсь, и попрошу прощения у брата, но только при одном условии, если сейчас сюда придет рыжий Коля с гитарой, прошло сорок семь минут, ведь ваше пророчество не сбылось. Счастливо оставаться, до свиданья!

Гавриил. Тогда вот тебе еще одно пророчество от меня! Выбито оно на камне огнем. А я читаю. Ты, нераскаянный, потеряешь самое дорогое, как того желал тебе родной брат, свою жену для себя потеряешь, и станет она женой другому. Ибо грех есть страшный не простить попросившего у тебя прощения. Амен.

Илья. И настанет день, и дух, летавший над водами, сделает двойное сальто прогнувшись, и воды станут сладкими, как варенье, и птицы падут с небес на горячие сковородки страждущих! Я устал, доча, пойдем домой, у меня сегодня дел по горло.

Рита. Папа, может, покаяться и помириться с дядей Сережей, а вдруг он, Гавриил, на самом деле ангел? Ну, так, на всякий случай.

Илья. До свидания, мама, прощайте, родственники до тринадцатого колена, нестройными рядами столпившиеся вокруг трона, и ты, матрос Федосеев, прощай! Семь футов вам под килем, пойдемте домой, дорогая прабабушка Марья Андреевна.

Входит Вера.

Вера. Здравствуйте! Илья, сейчас же отдай мне ключи от квартиры!

Илья. Это уже не актуально, Вера, жизнь внесла свои коррективы в наш оригинальный сценарий, пойдем домой.

Вера. Почему Екатерина Кондратьевна в свадебном платье, что это за человек с крыльями, почему Сергей стоит на коленях? Впрочем, мне это совершенно безразлично... я уйду от тебя не понарошке, а по-настоящему. Рита, у тебя есть с собой ключи от квартиры?

Рита. Да, мама.

Вера. Отдай мне, пожалуйста, свои ключи, я тебе их завтра верну. Я случайно захлопнула за собой входную дверь. Мне нужно собрать вещи!

Илья. Как понимать: уходишь по-настоящему?

Вера. У меня есть близкий человек, мы решили пожениться! Я не люблю тебя, прости.

Гавриил. И сказал пророк, и небеса разверзлись, а на дне небес ад теплится кромешный!

Рита. Сбывается пророчество.

Илья. Одумайся, Вера, что ты такое говоришь?! Что значит — разлюбила?

Вера. Ты стал совершенно другим человеком, куда подевались твои доброта, обаяние, нежность, твое чувство юмора?! Даже ночью во сне чертыхаешься и бранишься. Я не знаю, куда подевался прежний Илюша, милый и ласковый. Да и внешне очень изменился... ужасно подурнел.

Гавриил. Лицо есть эманация души.

Вера. У нас взрослая дочь, я имею полное право жить по сердцу.

Илья. Я хочу знать, кто этот человек!

Вера. Он на двенадцать лет меня моложе, это неважно, первое время мы будем снимать квартиру.

Открывается дверь, входит невысокого роста молодой человек, рыжий, с гитарой.

Коленька. Добрый день, здравствуйте, господа.

Вера. Зачем ты вошел, Николай, я просила тебя подождать за дверью.

Рита. Рыжий!

Нина. С гитарой!

Ольга. Его зовут Коленькой!

Входит Белла Соломоновна.

Белла Соломоновна. Здравствуйте, соседка Екатерина Кондратьевна, щепоточки соли не найдется?

Вера. Ну и что, что рыжий, я его люблю, вам понятно, люблю, люблю, люблю.

Екатерина Кондратьевна. И я его тоже очень люблю, только вот в голове моей не укладывается, как это можно в день свадьбы пойти на полчаса в булочную за хлебом, а вернуться к вечеру! Не знаю, как людям в глаза смотреть, гости собрались, а жениха нет. Где тебя нечистая носит?! Ну, что замолчал?! Скажи что-нибудь в свое оправдание!

Рита. Смотри, покраснел!

Ольга. Застенчивый!

Коленька. Извините, но я вижу вас впервые в своей жизни.

Екатерина Кондратьевна. Ах ты ирод рода человеческого, совести у тебя нет и стыда! Я под сердцем твоего ребенка вынашиваю, а ты меня первый раз в своей жизни видишь!

Белла Соломоновна. О вейзмир маменьки майне!

Вера. Не обращайтесь внимания, Белла Соломоновна, Екатерине Кондратьевне немного нездоровится.

Екатерина Кондратьевна. Это тебе нездоровится, сначала сына увела, а теперь на жениха позарилась, не отдам я тебе его, не отдам!

Гавриил. На колени, Илья Александрович!

Нина. На колени!

Рита. Становись на колени, папа, ты же обещал!

Илья. Хорошо, я встану на колени.

Вера. Напрасно протираешь штаны, я с тобой не останусь, мне не так много лет осталось, и мне хочется прожить их счастливо!

Екатерина Кондратьевна. Это пожалуйста, сколько душе угодно, только не с чужими женихами будьте счастливы. А ты что ты застыл, как чучело огородное, иди одевай свой костюм и черные лакированные ботинки, я их полдня до блеска драила, скоро ехать венчаться, а ты непереодетый!

Илья. Ну, встал я на колени, и что дальше?!

Гавриил. Закрой глаза и думай о вечности, из которой ты пришел, в которую канешь, если душу свою не спасешь!

Коленька. Господа! Я прошу одну минуту внимания. Господа, я хочу сказать несколько слов, пожалуйста, выслушайте меня.

Гавриил. Хорошо, прервемся, только покороче, у меня поезд через полтора часа.

Коленька. Сегодня утром я вышел из дома по делам, и мне показалось, что это будет обыкновенный день... В предчувствии дождя птицы уже не пели, но солнце уже светило, легкий ветерок едва касался деревьев, которые только-только выпустили первую листву, — одним словом, прекрасный день. Итак, было семь часов утра, через арку в доме я вышел на проспект... вдруг я слышу за своей спиной ужасный топот. Я оборачиваюсь и вижу, как на меня бежит огромный африканский жираф, за которым гонятся трое мужчин, один из которых совершенно пьяный, в рубашке, но без штанов, по всей видимости, работник зоопарка, и в руках у него грохочут шахматы. Опомившись после легкого стресса, я захожу в метро, где много свободных мест, напротив меня садится лысый человек, которого я вижу впервые

в жизни, и всю дорогу он смотрит мне в глаза... не мигая, взгляд у него настойчивый и неприятный. Минут двадцать я невыносимо страдаю от ужасной энергетики этого человека. Наконец моя станция. Я выхожу, около эскалатора этот инопланетянин нагоняет меня, кричит: «Бей жидов, спасай Россию», бьет меня изо всех сил ногой в живот и убегает, по всей видимости совершенно убежденный, что евреи рыжие, хотя моя фамилия Кузнецов. У меня сыпятся искры из глаз, я падаю ниц, я дышу тяжело, преодолевая дикую боль в солнечном сплетении. Едва живой приезжаю на репетицию в театр, беру в руки гитару и начинаю извлекать чарующие звуки, как вдруг директор филармонии, дефилируя по авансцене, спотыкается и падает в оркестровую яму и разбивает головой мне инструмент... в щепки. Я могу показать, что стало с моей гитарой...

Гавриил. Не надо.

Коленька. Но это еще не все, в девять вечера мы встречаемся с Верой и решаем переехать жить ко мне, Вера просит подождать на лестничной клетке, я вхожу и вижу... по комнате расхаживает ангел, двое взрослых мужчин стоят на коленях, к тому же оказывается, что мое дитя носит под сердцем некая Екатерина Кондратьевна. Я хочу, чтобы настоящий день как можно быстрее закончился, я хочу быстрее прийти домой, снять ботинки и повернуться лицом к стенке, закрыть глаза и замолчать!

Екатерина Кондратьевна. Вот свадьбу сыграем, тогда и отдохнешь!

Илья. К сожалению, вы еще не все знаете, я хочу сообщить вам одну приятную новость. Справа от вас стоит мичман, участник Цусимского сражения Борис Игнатьевич Федосеев.

Нина. Напрасно вы шутите, а я чувствую его присутствие.

Ольга. Нина, перестань сейчас же юродствовать!

Нина. Я клянусь, я совершенно искренне это говорю, я чувствую его присутствие, вот здесь стоит, около окна. Я и собаку черную видела, она выскочила у отца из головы и бросилась в окно.

Белла Соломоновна. Спасибо, без соли как-нибудь обойдусь, бывайте здоровы.

Екатерина Кондратьевна. Куда вы, Белла Соломоновна, давайте я вам насыплю!

Белла Соломоновна. Сами вы рыжие!

Екатерина Кондратьевна. Беллочка, постойте!

Белла Соломоновна. Огненно-рыжие!

Белла Соломоновна уходит.

Вера. Пойдем домой, Коленька... и побыстрее.

Илья. Вера, я прошу тебя, умоляю тебя, не делай этого, останься, мне нужно с тобой поговорить.

Вера и Николай уходят.

Илья. Воды!

Рита. Папа, не волнуйся, она еще вернется, все будет хорошо.

Гавриил. Только что сеятель пожал то, что посеял. Она не вернется никогда!

Илья. Вы все, оставьте меня в покое.

Екатерина Кондратьевна. Поговори, поговори с ангелом, сынок, на душе легче станет.

Гавриил. За три года ни разу не позвонить родному брату. Как такое возможно? Неужели ни разу не захотелось поднять трубку, набрать номер и услышать родной голос?

Илья. Нет, не захотелось.

Екатерина Кондратьевна. Неправда, он три раза Сереже звонил.

Сергей. Нет, мама, Илья мне не звонил.

Екатерина Кондратьевна. Звонил три раза. Я все знаю, набирал номер, а когда слышал гудок, бросал трубку.

Гавриил. Было, говори?!

Илья. Нет.

54 Екатерина Кондратьевна. Ради всего святого, сынок, скажи правду!

Гавриил. Потому что подумал, будто брат расценит это как проявление слабости?! Звонил и бросал трубку?

Илья. Да.

Гавриил. Скажи, палач, сердца своего мучитель, так значит, в твоей душе жила любовь к брату, и она сопротивлялась ненасытной злобе и ненависти, которыми ты травил ее и мучил?

Екатерина Кондратьевна. Вы лучше меня спросите, я все знаю, я все сама расскажу. Бывало, Илюша проснется среди ночи, лежит, смотрит в потолок и вспоминает, как летом ездили в деревню, как ходили на речку рыбу ловить, как Сережа заплакал и побежал от гуся, а Илья схватил палку и бросился защищать братика, а им было всего-то по пяти лет! Скажи, вспоминал про гуся?

Илья. Не помню.

Гавриил. Заклинаю тебя, скажи правду! Всеми святыми!

Екатерина Кондратьевна. Вот ты лежал ночью и вспоминал про деревню, про то, как в армию Сережу провожали, как поехал автобус, а ты стоял на дороге и смотрел вслед, вспоминал, и слезы по щекам катились на подушку!

Илья. Мама, откуда ты знаешь, о чем я думал по ночам?

Екатерина Кондратьевна. А я все знаю, потому что вы мои дети!

Илья. Но ты же говорила, что твои дети — рыжие енотики, а мы не твои дети!

Екатерина Кондратьевна. И енотики мои дети, и рыженькие, и черненькие, и полосатенькие, вы все мои дети, и я все про всех вас знаю. Говори, плакал или нет?

Илья. Нет, не плакал!

Екатерина Кондратьевна. Но ком-то в горле стоял, стоял ком в горле? Вот сюда подкатывало?

Илья. Ну, подкатывало.

Екатерина Кондратьевна. Слезы на глаза наворачивались?

Илья. Наворачивались, но я не плакал.

Екатерина Кондратьевна. Задыхался, но не плакал, держал из всех сил, чтобы не вырвались, не дай ты бог слезы не хлынули! Так, значит, ты слезы держал, сынок?!

Илья. Да, мама, держал!

Екатерина Кондратьевна. Держал-то держал, но не выдержал, и одна ма-а-аленькая слезка сорвалась и покатила вниз по щеке на подушку. Скажи, сыночек, ведь покатила по твоей щеке ма-а-аленькая соленая слезка?

Илья. Покатила, да, мама, покатила маленькая слезинка на подушку, покатила!!!

Гавриил. Слава Господу нашему! Так, значит, жива еще душа!

Екатерина Кондратьевна. Жива, жива душа у сыночка моего! Люди, радость-то какая! Жива душа!

Гавриил. Жива, красавица! Выжила в темнице, в холоде, в грязи и мерзости, выжила, бедненькая! Это она о себе знаки подавала из заточения.

Екатерина Кондратьевна. Радость-то какая! Жива душа у мальчика моего! А я думала все, мертвенькая уже. Когда увидела глаза его стеклянные, злобой налитые, перепугалась до смерти, а душа выжила

в ненависти лютой! Слезиночку-письмецо о себе прислала!

Гавриил. Скажи, так значит, жива в твоём сердце любовь к брату?

Екатерина Кондратьевна. Ну, говори, сыночек, что же ты молчишь?!

Илья. Жива.

Гавриил. Так, значит, ты его любишь?

Илья. Да, люблю

Гавриил. Скажи, а ты, Сергей, любишь своего брата?

Сергей. Да.

Гавриил. Тогда оба встаньте с колен, попросите друг у друга прощения и обнимите друг друга, как любящие друг друга братья!

Сергей. Прости меня, брат.

Илья. Это ты меня прости.

Братья обнимаются.

Екатерина Кондратьевна. Радость-то какая! Мои мальчики! По-русски три раза, ну вот, совсем другое дело.

Рита. Теперь мы можем звонить друг другу.

Нина. И встречаться.

Гавриил. И слышали ангелы голоса райских птиц, и души просветлели, аки облака на восходе солнца, и звонкое пение птиц небесных изгнало злых духов из пустыни, и бежала тьма, и стало светло.

Сергей. Мама, мамочка, милая мама! Прости меня, прости нас, ради всего святого.

Екатерина Кондратьевна. За всю жизнь ни одной минуты покоя, выросли уже, повзрослели, а хлопот не убавляется, пожалели бы мать свою!

Сергей. Мама, прости.

Илья. Прости, мама, больше ничего подобного не повторится. Клянусь.

Гавриил. Который час?

Ольга. Половина десятого!

Гавриил. Я опаздываю на поезд. Где чемодан?

Рита. Если не секрет, куда вы едете?

Гавриил. На послушание и протрезвление в Николо-Печорский монастырь, во Псков.

Екатерина Кондратьевна. Может быть, еще погостишь?

Гавриил. Три года добираюсь до своего собственного наказания. Больше не могу.

Нина. Кто вас должен наказать и за что?

Гавриил. Служил священником в Новосибирске, имел свой приход, а три года тому назад меня за пьянство мое беспробудное наказали, прихода лишили и направили решением святейшего Синода на протрезвление в монастырь... послушником. Все, довольно, буду пить родниковую водичку, поститься, трезвиться и есть грибочки. Где мой чехол?

Екатерина Кондратьевна. Какой чехол, Гаврюша?

Гавриил. Чехол от крыльев, матушка. Ах, вот он. Мало ли, опять до протрезвления не доеду. *(Укладывает крылья в чехол).*

Екатерина Кондратьевна. Будешь в Москве проездом, заходи, голубчик.

Илья. Ма, я останусь у тебя переночевать, я не хочу возвращаться домой.

Екатерина Кондратьевна. Оставайся, я буду рада. И ты, Сереженька, оставайся, я не хочу тебя отпускать, переночуйте у меня разок.

Сергей. Хорошо, мама, с удовольствием останусь.

Гавриил. Спасибо вам, Екатерина Кондратьевна, за кров, за стол, за гостеприимство.

Екатерина Кондратьевна. Это тебе спасибо, ангел мой.

Илья. Можно задать вам один простой вопрос на прощанье? Отчего вы запили?

Екатерина Кондратьевна. От несчастной любви, влюбился в замужнюю прихожанку, а у нее трое детей... э-ко вот! Прощай, ангел мой!

Гавриил. Мои молитвы лопаются, как перезревший виноград, из них сочится благодать, пора, пора на послушание, сколько можно скитаться по белу свету. Прощайте, Екатерина Кондратьевна.

Девочки, Гавриил прощаются, уходят.

Сергей. Поздно уже, я устал, лягу в гостиной.

Илья. А я спать не хочу.

Екатерина Кондратьевна. Давайте ужинать, я ужасно проголодалась, у меня есть жареная рыба.

Сергей. Льет как из ведра.

Илья. До завтрашнего дня мы солнца не увидим.

Екатерина Кондратьевна. А хлеба нет. Сходи-ка, Сережа, за хлебом.

Сергей. Хочу прилечь, у меня страшно разболелась голова.

Екатерина Кондратьевна. Через пятнадцать минут магазин закроется.

Сергей. Илья, брат, пожалуйста, сбегай в булочную.

Илья. У меня правый ботинок протекает. Ты же мечтал, чтобы я ходил в дырявых ботинках, человеческая мысль материальна.

Сергей. Надень мои, у нас один размер.

Илья. Но тебя мама попросила, а не меня.

Сергей. Хорошо, давай кинем жребий.

Екатерина Кондратьевна. Оба! Собирайтесь и оба идите за хлебом!!! Оба!

Сергей и Илья уходят.

Екатерина Кондратьевна. Ни одного спокойного дня за семьдесят лет: то пожар, то наводнение, то мор, то голодуха.

Возвращается Гавриил.

Гавриил. Я вернулся, Екатерина Кондратьевна.

Екатерина Кондратьевна. Забыл что-нибудь, Гаврюша?

Гавриил. Да, верно, забыл, а вот что, вспомнить не могу.

Пока шел, помнил, а как ваши ясные глаза увидел, позабыл. Вспомнил. Я за вашей душой пришел.

Екатерина Кондратьевна. Зачем тебе моя душа, ангел мой?

Гавриил. Она не мне нужна. Она Господу Богу понадобилась. Пробыл твой час, Катенька.

Екатерина Кондратьевна. погоди одну секунду, я мальчиков послала за хлебом, проголодалась ужасно, поужинаем все вместе, я лягу спать, вот тогда и приходи.

Гавриил. Ждать больше не могу. Не велено больше ждать, сколько же можно откладывать?!

Екатерина Кондратьевна. А я и не откладывала никогда.

Гавриил. Неправда ваша. В сорок третьем году, когда разбомбили санитарный эшелон, вы сказали, что не можете отдать душу Господу нашему, потому что влюблены в солдатика. Когда рожали младшенького, отказалась умирать, потому что не захотели оставить мужа с двумя маленькими детьми, это тоже причина уважительная. Месяц тому назад, когда я пришел за душой вашей, вы ослушались, потому что ваши дети возненавидели друг друга, и вам надо было уладить это дело. А теперь, видите ли, надо их дождаться, чтобы вместе поужинать. Это есть причина неуважительная. Я больше ни минуты ждать не могу.

Екатерина Кондратьевна. Смилуйся, Гаврюша, подожди минутку, я у окна постою.

Гавриил. Зачем вам у окна стоять и смотреть в эту тьму непроглядную?

Екатерина Кондратьевна. Сколько раз мы у окна стояли с моим ненаглядным и смотрели на дождь, на снег. Особенно любили мы самый первый снег!

Гавриил. Ну что ж, пора. Помолитесь Господу нашему и вручите мне свою душу.

Екатерина Кондратьевна. Уж больно ты сегодня строгий, Гаврюша, погоди еще немного.

Гавриил. Какое же с вами терпение надо иметь, Катенька, неужели не нажились, у вас была такая тяжелая жизнь.

Екатерина Кондратьевна. Нет, не нажилась, милый, еще бы жила и жила.

Гавриил. Ну, довольно разговоры разговаривать.

Екатерина Кондратьевна. Вот она, моя душа, возьми ее.

Гавриил. Какая красавица, совсем еще молодая. Это верно: с такой душой еще жить и жить.

Занавес.

Москва, 2003